

Воспользовавшись предложением проводить Янь Цуна в дом Яней, И Сыцзя на следующий же день встретила там с Янь Сяном. Однако тот принял её без малейшего тепла. И Сыцзя недоумевала, в чём причина такой холодности, но Янь Цун-то всё прекрасно понимал. Янь Сян, поддавшись её уговорам, пошёл на поводу у этой женщины, но в итоге потерпел неудачу и был отправлен на перевоспитание к бабушке. Кого ещё ему теперь винить в своих бедах, как не её? Едва И Сыцзя успела обмолвиться с ним парой слов, как Янь Сян раздражённо развернулся и ушёл к себе наверх.

Янь Цун после возвращения тоже сразу поднялся в свою комнату — ему совсем не хотелось мешать разговору матери с гостьей. Он знал: пусть Хэ Юйвэнь и отличалась мягким нравом, привыкнув видеть в людях только хорошее, она вовсе не была глупа. Стоило ей заподозрить неладное или понять, что человек перед ней лицемерит, как вся её бывшая доверчивость мгновенно улетучивалась. Янь Цун был уверен: сегодня И Сыцзя уйдёт ни с чем.

И Сыцзя действительно пришла прощупать почву для возвращения. Перед Хэ Юйвэнь она разыграла целую драму: жаловалась на измену мужа, на неизбежный развод и на то, что Цзянь Нань пытается обобрать её до нитки. Она со слезами на глазах вспоминала, как когда-то ради этого мужчины бросила карьеру, как позже с трудом устроилась прислужой в дом Яней, чтобы иметь хоть какой-то доход, но снова была вынуждена пожертвовать всем ради детей. А теперь из-за этого мерзавца она даже не может толком позаботиться о сыне. Словом, несчастнее её не было женщины на свете.

Раньше Хэ Юйвэнь наверняка бы прониклась сочувствием и бросилась её утешать. Но сейчас... Да, её положение казалось незавидным, но не зря в народе говорят: у каждого жалкого человека есть то, за что его стоит презирать. Вспоминая о шприце с модифицирующим препаратом и тех ядовитых вещах, которые И Сыцзя внушала её сыну, Хэ Юйвэнь чувствовала лишь глухое отвращение. Какими бы ни были твои мотивы и жажда наживы, опускаться до того, чтобы калечить и использовать собственного ребёнка — этому не было оправдания.

— Я не сторонница мнения, будто женщина должна без остатка растворяться в семье, — мягко, но твёрдо произнесла Хэ Юйвэнь, — однако сейчас вам действительно стоит навести порядок в собственном доме. Не забывайте, вашему старшему сыну скоро предстоит сдавать выпускные экзамены. Для него это самый важный рубеж в жизни. Даже если вы решились на развод, неужели нельзя пойти на уступки ради будущего собственного ребёнка? Раз уж мы привели детей в этот мир, мы обязаны нести за них ответственность. Разве я не права?

И Сыцзя впервые слышала от хозяйки дома столь суровые поучения, и внутри у неё всё похолодело.

— Я и сама так думаю, — запричитала она, стараясь вернуть разговор в прежнее русло. — Но Цзянь Нань... Этот упрямец будто ослеп! Все его мысли только о той крашеной лисе!

— Возможно, вам стоит поговорить с ним начистоту, без лишних эмоций? — возразила Хэ Юйвэнь. — Сяо Цун очень тяжело переживает ваш разрыв. Думаю, Цзянь Сэню сейчас тоже несладко. Он, конечно, старше брата, после Нового года станет совсем взрослым, но Сяо Цун упоминал, что его брат не привык делиться своими переживаниями. Родителям в такое время

нужно быть внимательнее к детям и учиться договариваться друг с другом.

И Сыцзя просидела в гостиной ещё около часа, но разговор упорно не клеился. Поняв, что сочувствия ей сегодня не дожидаться, и так и не разобравшись, в какой момент отношение к ней так переменялось, она поспешила откланяться. Расспрашивать Янь Цуна было бесполезно — тот вряд ли бы стал откровенничать, поэтому вся надежда оставалась на Янь Сяна. Поднимаясь на второй этаж якобы для того, чтобы попрощаться с младшим сыном, И Сыцзя быстро скользнула к комнате Янь Сяна. Она легонько постучнула по косяку и тут же просунула в щель под дверь заранее заготовленную записку с короткой фразой, смысл которой был понятен только им двоим.

Когда Янь Сян приоткрыл дверь, в коридоре уже никого не было, лишь на ковре белел клочок бумаги. Он сразу догадался, кто его оставил. Сначала он хотел брезгливо отпихнуть листок ногой, но любопытство взяло верх, и он поднял его. В конце концов, между ними были свои секреты, да и Янь Сян привык к тому, как угодливо И Сыцзя всегда крутилась вокруг него, заглядывая в рот и потакая любым капризам.

Он развернул записку. На ней торопливым почерком было выведено:

«На Западной улице самый вкусный молочный чай продают в тупике. Выкрой минутку и позвони мне».

Пробежав глазами строчки, Янь Сян нахмурился. Переулок на Западной улице... Именно там находилась та недорогая закусочная, возле которой он однажды разыграл благородного спасителя и защитил симпатичную девчонку. Подумаешь, обоим едва исполнилось по четырнадцать-пятнадцать лет — в этом возрасте у некоторых подростков смелости хоть отбавляй. С той красоткой они уже успели сойтись гораздо ближе, чем прилично для их лет. Янь Сян точно помнил, что не рассказывал об этом И Сыцзя. Откуда же она узнала? И более того, выведала, что у родителей девчонки своя палатка с молочным чаем. Неужели эта женщина шпионила за ним?

Янь Цун, разумеется, и не подозревал о тайной переписке этой парочки. Вернувшись домой, он не терял времени даром. Полностью игнорируя существование Янь Сяна, мальчик упорно тренировался по программе, составленной отцом: часами оттачивал кулинарную нарезку и ставил руку. Каждый день он также выделял около часа на силовые упражнения — это было необходимо не только для того, чтобы в будущем уверенно управляться с тяжёлым ресторанным воком, но и соответствовало плану физической реабилитации, предписанному врачами. Янь Цун не давал себе ни малейшей поблажки, шаг за шагом упрямо двигаясь к поставленной цели.

Через три дня пришло время возвращаться в школу за результатами экзаменов. Сенсации не произошло: Янь Цун вновь возглавил список лучших учеников параллели. Впрочем, отрыв от второго места на этот раз оказался ничтожным — всего один балл. Его главный соперник безупречно справился со всеми заданиями, потеряв лишь очко на сочинении, тогда как Янь Цун за творческую часть недосчитался шести баллов и вырвался вперёд только благодаря идеальным ответам в тестах по другим предметам.

Первым делом Янь Цун набрал номер Цзянь Наня. Тот сейчас ютился на окраине, снимая за сто юаней в месяц крошечную каморку. Сделано это было исключительно ради того, чтобы пореже пересекаться с И Сыцзя. Цзянь Нань планировал просто измотать жену этой бесконечной тяжбой, а затем разделить имущество и сбережения строго пополам. Претендовать на Янь Цуна он не смел да и не имел права, а вот старшего сына, Цзянь Сэня, твёрдо вознамерился забрать себе, чтобы спасти парня от тлетворного влияния матери. Мужчина даже подумывал: если благоверная заартачится и откажется давать развод, он намерен сменить Янь на её бывшие художества. Перепуганная И Сыцзя тогда сама побежит подписывать бумаги.

Услышав в трубке голос сына, Цзянь Нань поспешно спросил:

— Сегодня ведь объявляют результаты? Ну, как успехи?

«Надо же, вспомнил», — грустно подумал мальчик, но вслух ответил бодрым и радостным голосом:

— Я первый на параллели!

На лице Цзянь Наня сама собой расплылась улыбка. Сердце наполнилось такой гордостью за сына, какой он сам от себя не ожидал.

— Умница! Настоящий молодец! Чего бы тебе хотелось получить в награду? Говори, отец купит всё, что пожелаешь!

Янь Цун на секунду замялся, а затем тихо произнёс:

— Пап... Я бы хотел, чтобы мы все вместе, всей семьёй, сели за один стол и пообедали. Это возможно?

На том конце провода воцарилось молчание. Цзянь Нань нахмурился. Его не тронула эта детская сентиментальность, но чувства мальчика он прекрасно понимал.

— Эрбао, послушай... Твой отец совершил много ошибок. Но поверь, мы с твоей матерью просто больше не можем жить под одной крышей. Это выше моих сил.

— Всё дело в деньгах? — настаивал Янь Цун. — Пап, если проблема в этом, то мы с братом скоро вырастем. Мы станем зарабатывать, и у нас будет много денег!

Цзянь Нань горько усмехнулся. Деньги действительно сыграли свою зловещую роль, но теперь он испытывал к этим нажитым нечестным путём богатствам лишь суеверный страх.

— Дело вовсе не в деньгах, сынок. В отношениях между мужем и женой есть тёмные углы, о которых не положено знать никому, даже собственным детям. Ты ещё слишком мал, чтобы понять. Но запомни одно: для меня ты навсегда останешься самым любимым, самым лучшим сыном. Но с твоей матерью мы разведёмся в любом случае.

Янь Цун тихо вздохнул. Похоже, подлить масла в огонь семейного раздора сегодня не удастся. Что ж, тогда пришло время разыграть карту послушного, понимающего ребёнка.

— Мне очень грустно это слышать, — покладисто ответил он. — Но учитель как-то говорил мне, что дети не должны из чистого эгоизма принуждать родителей жить несчастливой жизнью. В конце концов, я тоже скоро вырасту и пойду своей дорогой. И если вы с мамой только тогда решитесь искать своё настоящее счастье, будет уже слишком поздно. Я не хочу быть эгоистом, пап. Обещаю, что больше не стану лезть в ваши дела. Но у меня есть одна просьба... Пока ты ещё официально мой отец, можешь съездить со мной и помочь оформить мне удостоверение личности? Мне очень важно, чтобы в такой значимый день рядом был именно ты.

Цзянь Нань растрогался и тут же согласился:

— Конечно, сынок, о чём разговор! Как только соберёшь все необходимые документы и выписку из реестра, сразу звони мне. Я приеду и всё устрою.

Вскоре до И Сыцзя дошли слухи о встрече мужа с младшим сыном. Когда Цзянь Сэнь мимоходом обмолвился, что отец возил Янь Цуна оформлять документы, женщину захлестнула бешеная ярость. В груди поднялась паника: ей казалось, что, получив официальное удостоверение личности, Янь Цун окончательно выскользнет из её цепких рук. Вцепившись в телефонную трубку, она с визгом набросилась на Цзянь Наня:

— Ты что удумал, мерзавец?! Решил за моей спиной дела проворачивать? Думаешь, я так просто позволю тебе добиться своего?!

Цзянь Нань ответил усталым, ледяным тоном:

— Какая муха тебя опять укусила? Что я такого сделал?

— Зачем ты потащил Янь Цуна оформлять удостоверение личности?! Зачем скрыл это от меня?!

— Мальчик уже во втором классе средней школы, ему давно пора получить документы. Это абсолютно нормально. Когда пришло время, я точно так же водил Цзянь Сэня. Что-то я не помню, чтобы ты тогда устраивала истерики.

— Да как ты смеешь сравнивать?! — взвизгнула И Сыцзя. — Притворяешься дурачком, будто сам ничего не понимаешь!

— Довольно, И Сыцзя, — оборвал её муж. — Перестань вести себя так, будто весь мир кругом перед тобой виноват. Или ты забыла, что сама натворила? Думаешь, Сяо Цун до сих пор тебе доверяет? Будь это так, он бы не стал просить именно меня поехать с ним. Заруби себе на носу: ты сама вернула чужого ребёнка законным родителям. И глупо надеяться, что раз ты его вырастила, то сможешь вертеть им до конца дней. Кровные узы ничем не разорвать, это сильнее любых твоих уловок. На твоём месте я бы оставил чужого мальчика в покое и перестал донимать нашего собственного сына. Пусть себе живут своей богатой жизнью. Запомни: на чужом несчастье счастья не построишь, подавишься куском, который тебе не принадлежит!

— Чушь собачья! — сорвалась на ультразвук И Сыцзя. — Ишь как заговорил, праведник выискался! Из себя святошу строишь? А сам-то хорош! Если бы не ты, разве смогла бы я повернуть это дело прямо в палате после родов?! Кто, скажи на милость, выносил чужого младенца из больницы под курткой? Не ты ли?! Я тебе так скажу: даже не думай, что развод избавит тебя от грехов прошлого! Что бы ни случилось, мы повязаны одной верёвкой. Попробуешь пикнуть хоть слово — и мы оба загремим за решётку. Ни один не отвертится!

Цзянь Нань на том конце провода оставался абсолютно спокоен. Его ровный голос так диссонировал с её визгом, что это пугало ещё сильнее.

— Не брызжи слюной. Я не сумасшедший, чтобы самому бежать в полицию с повинной. Но если ты продолжишь упираться и затягивать развод... кто знает, до чего ты меня доведёшь. В конце концов, я обычный работяга, вкалывал с утра до ночи. Жена принесла домой младенца, откуда мне было знать, что он чужой? Максимум, что мне светит — соучастие или сокрытие. А то и вовсе заявлю, что пребывал в счастливом неведении. О том, что произошло в роддоме, знали только мы двое да покойная старшая медсестра. Её больше нет в живых, так что доказать мою осведомлённость ты ничем не сможешь. И Сыцзя, мы прожили вместе кучу лет, и я ценю, что ты тащила на себе дом и ухаживала за детьми. Именно поэтому я благородно оставляю тебе квартиру. Заберу лишь половину накоплений и упрямого оболтуса-старшего. По-моему, условия более чем щедрые. Если и теперь откажешься — значит, ты просто из вредности хочешь помотать мне нервы.

И Сыцзя от ярости скрежетала зубами. Будь Цзянь Нань сейчас перед ней, она бы мёртвой хваткой вцепилась ему в лицо. Но разум подсказывал, что муж настроен решительно и назад не отступит. С другой стороны, в его уходе крылся свой плюс: одним свидетелем её давней тайны близости станет меньше. Если она сама будет держать язык за зубами, правда никогда не выплывет наружу. Но её уязвлённое самолюбие протестовало. Этот никчёмный тюфяк мало того, что завёл любовницу на стороне, так ещё и смеет выставять её за дверь! Какой позор!

— Не думай, Цзянь Нань, будто я пропаду без тебя, — процедила она сквозь зубы. — Я согласна на развод. Но у меня есть три условия.

Цзянь Нань скептически приподнял бровь:

— Выкладывай.

— Первое. Мы подпишем соглашение, по которому ты обязуешься никогда, ни при каких обстоятельствах не претендовать на мои будущие доходы. Сколько бы у меня ни появилось денег, ты не получишь ни гроша!

Цзянь Нань презрительно фыркнул:

— Понимаю. Боишься, что когда выдоишь из своего ненаглядного Янь Сяна кругленькую сумму, я прибегу требовать свою долю? Расслабься, мне твои грязные подачки даром не нужны. Если мне когда-нибудь понадобится помощь, я обращусь к своему второму сыну. Могу поспорить на что угодно: наш Сяо Цун в тысячу раз достойнее твоего капризного барчука! Ты уже разбила ему сердце своей ложью, так что не удивляйся, если на старости лет тебе придётся побираться у забора.

— Хватит разыгрывать благородство! — огрызнулась И Сыцзя. — Как ни притворяйся, отец из тебя паршивый. Ты с самого начала знал, чей он сын и зачем мы его растим. Лицемер несчастный!

— Какое второе условие? — сухо спросил Цзянь Нань, пропустив её обвинения мимо ушей.

— Второе: ты будешь ежемесячно выплачивать алименты на содержание Янь Цуна и меня. Я не требую золотых гор — пятисот юаней в месяц до его совершеннолетия вполне хватит.

Цзянь Нань аж поперхнулся от возмущения:

— Пятсот юаней?! Ты совсем с ума сошла? Думаешь, растить Цзянь Сэня мне ничего не стоит? Мне ещё нужно выкупить для него место в престижной школе! Или ты, как мать, больше вообще не несешь ответственности за судьбу старшего сына? Триста юаней! И это мой предел. Сяо Цуна сейчас полностью обеспечивают богатые биологические родители, на что ты вообще собираешься тратить эти деньги? Имей совесть!

<http://bllate.org/book/20137/2214114>